

Обзор основных проблем, поднятых в статье Жизель Тоассы

М.В. Мунипов

В данном обзоре представлен спектр проблем, которые подняты бразильским психологом Жизель Тоассой в своей философской работе, опубликованной в этом номере психологического журнала «Дубна» и являющейся продолжением статьи, опубликованной в первом номере этого журнала за 2015 г. В своей статье Ж. Тоасса последовательно рассматривает взгляды Л.С. Выготского о том, что может являться предметом психологии как науки (сознание, высшие психические функции, личность/человек). Вторая проблема, поднятая Ж. Тоассой, – марксистская психология и ее связь с марксистской диалектикой. Третья проблема – существует ли так называемый «выготскианский» материализм? Обсуждаются также плодотворные аспекты научного взаимодействия ученых стран Латинской Америки и России в области современной психологии.

Ключевые слова: предмет психологии, сознание, личность, марксистская психология, «выготскианский» материализм, «реальность» как понятие психологии и философии, гносеология, онтология

В этом номере психологического журнала «Дубна» опубликована (на английском и португальском языках) вторая часть статьи бразильского психолога и методолога Жизель Тоассы¹ под общей темой, которую можно сформулировать, как «философские проблемы психологических работ Выготского раннего периода его научного творчества». Следует сказать, что наследие Выготского как у нас в стране, так и за рубежом рассматриваются чаще всего с точки зрения значимости его педагогических и психологических идей. Совсем мало исследований посвящено философским основаниям и еще меньше – философским следствиям, которые вытекают из психолого-педагогических работ этого замечательного и универсального психолога. Именно эту тему и подняла бразильская специалистка по творчеству Выготского. Тема – сложная и многогранная: Выготский имел глубокий и разнообразный background (научный фон), который он приобрел еще в Гомеле и потом в Москве, учась в двух университетах, где слушал в том числе и философские лекции известных мыслителей предреволюционной эпохи. Жизель Тоасса взялась за спорную и междисциплинарную тему. Междисциплинарность ее характеризуется многообразными «стыками» проблем, смежных для философии, психологии, педагогики и политических учений социального характера.

Автор показала себя знатоком трудов философов разных направлений, искусно диалогизируя с ними по вопросам, которые и сама пытается проанализировать самостоятельно. В частности, важной проблемой в дискурсе психологии является предмет психологии, то есть то ядро, образно говоря, вокруг которого спорят разные направления научной психологии. Жизель Тоасса скрупулезно прослеживает на примере ранних психологических трудов Выготского (особое внимание она уделяет эпохальному для того времени научному тексту Выготского под названием

¹ О самой Ж. Тоассе более подробную информацию можно получить в статье: Мещеряков Б.Г., Мунипов М.В. Творчество Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева глазами бразильских исследователей // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2015. – № 1. – С. 1-7 (abstract, с. 8).

«Исторический смысл психологического кризиса», сокр. ИСПК) развитие идей Выготского по теме «что является главной проблемой психологии, или ее предметом?». Автор полемизирует со своим «источником» по всем положениям, которые она освещает во второй части своей работы. Например, она показала эволюцию того, как понимает предмет психологии Выготский и откуда у него появляются новые трактовки тех самых важных задач психологии, которые и являются «ядром» научной психологии. Ж. Тоасса отмечает, что на повестку дня научного обсуждения в 1920-е годы выдвигаются такие понятия психологии (в качестве предмета психологии как науки), как: сознание, высшие психические функции, сам человек как таковой и личность (последний термин характерен для «позднего» Выготского).

Сознание в качестве основного предмета психологии привлекает большое внимание не только психологов разных направлений, но оно с античных времен обсуждается в философской литературе. Материально ли сознание? Есть ли «чистое сознание» как отдельный философский или психологический феномен? Можно ли изучать сознание в рамках экспериментальной психологии? Вот некоторые злободневные вопросы, которые затрагиваются в статье бразильской исследовательницы творчества Выготского. Выделяя среди многих трактовок проблемы «что есть сознание?» ту, которая принадлежит Выготскому, Тоасса привлекает философские труды Плеханова и ортодоксальных марксистов советского периода (например, Деборина), а также классиков мировой философии, таких как Спиноза, Кант, Гегель и др., но не для того, чтобы продемонстрировать широту своей философской эрудированности, а, прежде всего, чтобы реконструировать тот реальный философский контекст, в котором Выготский искал пути решения вечных проблем психологии. Естественно, обсуждение проблемы сознания и связанной с ней психофизиологической проблемы не может обойтись без цитат из Энгельса и Маркса. Анализируя взгляды Плеханова, Деборина и Маркса по гносеологическим и онтологическим проблемам, в которые обязательно инкорпорируются и размышления о сознании, Тоасса приходит к заключению, что философские корни близких по сути трактовок сознания этих мыслителей можно найти в трудах Бенедикта (Боруха) Спинозы, который относится к материалистическим философам, хотя его материализм еще надо доказать, что и пытается сделать Тоасса. Она приходит к выводу – действительная картина мира, его структура и взаимосвязи корреспондируют с идеальным миром идей, абстрактных понятий и символического отражения действительности. Проблема сложная, но ее можно описать феноменологически и затем логически определить. Тоасса показывает, привлекая цитаты из трудов вышеупомянутых авторов, с которыми она как бы заочно обсуждает этот вопрос, – что в сознании происходит некое «искажение» или, если говорить пафосно, преобразование, или творческая трансформация действительности, когда сознанием человека используется прежде всего аппарат мышления (уникальный виртуальный орган мозга, характерный в развитом виде только для человека), и (выражаясь синонимично, но в другом ракурсе) в результате чего происходит креативный «перенос» материальной действительности в идеальную сферу, то есть в мозговом субстрате как материальном фундаменте сознания строится идеальная модель действительности, характеризующаяся своим «существенным» компонентом, а именно: в идеальной модели картины мира в сознании человека представлены существенные, логические связи между реальными объектами, не всегда явно, эксплицитно присутствующие в действительности. Но принимая во внимание опыт интеллектуального развития человечества, такой способ отображения действительности (то есть с некоторой «абберацией» или поправкой) является намного более мощным средством

приспособления человека к существующим в материальном мире условиям его существования.

Почему человек стал «венцом» природы, вершиной эволюции животного царства? Именно способность человека творчески преобразить природу, дает ему преимущества прежде всего в практической деятельности, а практика, как известно, является главным критерием ценности каких-либо эволюционных «гаджетов», вырабатывающихся в результате «фиттинга» (подстройки, приспособления) животных (к каковым относится и человек) к условиям своего существования. Возможность применить «идеальный» инструментарий, который «идет из головы» человека и воплощается далее в материальные орудия в действительном мире, является уникальной человеческой особенностью. Каков же механизм, посредством которого происходит это преобразование действительного мира в идеальную форму «неточной» его репликации? Тоасса подводит нас к выводу, который взял на вооружение Выготский, а именно: через выгодные для выживания «искажения» восприятия, через первичный анализ воспринимаемых впечатлений и более подробный и всесторонний их анализ, возникает «преобразование» действительности. Но парадокс заключается в том, что для человека, вынужденного ориентироваться в окружающей среде, ВЫГОДНЫ эти искажения, потому что они позволяют ему быстрее, или оперативнее, и оптимальнее приспособиться к окружающему его материальному миру. Не случайно Л.С. Выготский любил ссылаться на знаменитое высказывание К. Маркса в «Капитале»: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове».

Теперь переходим к заключительному моменту интеллектуальных исканий Выготским предмета психологии. Мы имеем в виду «личность/человек» в качестве основы построения научной психологии. Аргументированно и убедительно Тоасса отмечает важность этого идейного поворота Выготского к проблеме человека. Добавим, что понятие «человек» ярко проступает в более поздних работах Выготского, в частности в трактате «Учение об эмоциях», которое не закончено не только в связи тем, что Выготский рано умер, но и из-за того, что сама проблема сложна. Задача – трудная, ее сложность объясняется необходимостью комплексного, всестороннего и интегрального подхода к психологическому исследованию. В трактате «Учение об эмоциях», проведя всеобъемлющий обзор данных по физиологии, нейрофизиологии, нейроанатомии и психологии (используя большой корпус научных психолого-экспериментальных работ на иностранных языках), Выготский пытался воссоздать достаточно полную и логично построенную психологическую картину психической жизни человека, а именно: как эмоции связаны с телом (мышцами, пищеварительной системой и т.д.) и интеллектом? Это – узловая проблема для выяснения генезиса и развития эмоциональной сферы человека. Таким логическим путем Выготский и пришел к пониманию комплексности душевной жизни человека. Ему оставалось сделать последний шаг – взять личность за основу психологического исследования. Заслуга Тоассы именно в том, что она распознала зачатки этой идеи еще в ранних работах Выготского по психологии.

Незаменимым «помощником» в плане обсуждения проблемы «предмет психологии» были для Тоассы работы Е. Завершневой, в которых четко прослежена эволюция идей Выготского по этой теме. Цитирует Ж. Тоасса Е. Завершневу не раз и по делу. Исследования Е. Завершневой посвящены в основном дневникам и записным книжкам Выготского, в которых он исповедально делится с бумагой своими сокровенными научными прозрениями, что в то время не всегда было можно сделать, официально публикуясь в научных журналах. Отсюда – глубина и

многокомпонентность анализа Тоассой этого «ядра» психологии. На таком примере взаимодействия двух исследовательниц творчества Выготского мы наглядно видим взаимопроникновение двух культурных «пластов» в выготсковедении – российского и латиноамериканского (в данном случае, бразильского) взглядов на работы Выготского в области психологии и педагогики.

«Бразильское» прочтение характеризуется ярко выраженной социальной направленностью, стремлением применить идеи Выготского к проблемам образования (в частности, школьного и профессионального обучения). Латиноамериканцев подкупает в Выготском его творческая активность, научная плодovitость и та энергетика, реально преобразующая мир, создавая, к примеру, и конструируя «нового человека», человека возможного, идеального будущего. В работах латиноамериканских психологов и педагогов видны «пути скрещения» «левых» течений идеологического порядка с Выготским как социальным реформатором, когда через мощные средства психологической науки генерируются потенциальные силы сделать общество более социально справедливым, изменять и корректировать характер и менталитет человека психологическими средствами. Надо отметить, что Выготский – самая популярная в странах Латинской Америки психологическая фигура из России. Его творчеству посвящена масса исследований на испанском и португальском языках, порой неожиданных по своей проблематике для российского читателя. Чтут латиноамериканцы и научное наследие А.Н. Леонтьева (см. статью Андреа Лонгарези и Патрисии Франко в № 1 данного журнала за 2015 г.).

Следующая тема, поднятая Тоассой в своем философском анализе ранних взглядов Выготского, – как Выготский понимает, что такое – марксистская психология? Прежде всего, обращает внимание, что в ИСПК Выготский выступал против механического перенесения философской методологии на психологический дискурс. Он утверждал, что диалектический подход к психологическим проблемам будет выявляться сам собой в процессе психологического исследования или теоретических размышлений. Нельзя сверху навязывать психологии принципы и методы другой науки, так как у каждой науки, даже если они близки по методам, содержанию и способам освещения некоторых общих проблем, есть свои специфические черты и свойства, связанные с разными уровнями исследования и разными задачами и целями таких исследований. Кроме того, психология в основном экспериментальная наука в отличие от той же философии, которая мыслит абстрактными категориями. Тоасса подробно разбирает понимание Выготским сути кризиса в психологии и комментирует диагноз, поставленный Львом Семеновичем психологии – эта наука больна. Кроме того, Выготский высказывает предположение, что выход из кризиса стоит искать в области практической психологии, в частности он обращает внимание на психотехнику, бурно развивавшуюся в 1920-е годы. Не отрицая важности практической психологии, Ж. Тоасса не склонна рассматривать этот вопрос по принципу «или-или». По ее мнению, существенную роль в преодолении кризиса должна выполнять общая методология – общие законы познания, или гносеологии, приложимые к развитию частной науки. Автор аргументирует это тем, что диалектическая методология, присущая любой науке, сама является двигателем развития науки. Это – не механическое, бездумное перенесение диалектических философских законов на психологическую почву, а «вырастание» и «созревание» этого метода изнутри науки как итог ее поступательного развития. Мне кажется, что эта гипотеза верна, хотя противопоставление объяснительной и феноменологической (описательной) ветви психологии этим не устранишь, а именно конфликт двух этих принципов психологии и есть суть кризиса в психологии. Противоречия между ними снимаются только правильным выбором предмета психологии. Далее автор подробно рассматривает

воззрения Выготского на гносеологический аспект развития психологии, то есть того, как Выготский понимает генезис и закономерности развития психологии в виде отрасли познания (эпистемологии, гносеологии). Тоасса поднимает и онтологические узловые вопросы, с которыми сталкиваются психологи. Что такое человек в Бытие? Как сознание представлено в бытийном, онтологическом плане? Можно ли взять сознание как предмет психологии, если считать его субъективным явлением?

Третьей проблемой, органично связанной с предыдущей, – это вопрос о том, как Выготский понимает материализм. Тоасса справедливо отмечает, что Лев Семенович всегда был против механистического материализма. Основываясь на своем анализе взглядов Выготского, автор приходит к выводу, что можно говорить о «выготскианском материализме», корни которого она находит в трактатах Спинозы, в работах Плеханова и Деборина (ученика Плеханова). Материализм Выготского умно сопрягает идеальную и материальную сферу познания, корреспондируя второе в первое, за счет чего возникает не просто «фотография» действительности, а строится логически обоснованная, подкрепленная знанием объективных закономерностей картина нашего мира на идеальном, или ментальном, уровне анализа нашей жизни.

Четвертую проблему, затронутую Тоассой в связи с анализом ранних работ Льва Семеновича, – можно сформулировать так: что такое реальность? И чем реальность отличается от действительности? Тоасса к месту приводит цитаты Выготского по этой проблеме. Оказывается, реальны и чувства, и образы, и ментальные представления, которые нельзя увидеть, услышать или пощупать, но они РЕАЛЬНО существуют, реально определяют нашу жизнь. Они – тоже часть нашей действительности. Этот важный момент увидела Тоасса у Выготского, несмотря на то, что она читала работу Выготского на испанском, родной язык Тоассы – португальский, а писала об этом – на английском, а мы, российские читатели имеем возможность проверить, насколько точны ее выводы, сравнив ее текст с оригиналом (в помощь читателю редактор статей этого номера журнала, Б.Г. Мещеряков, включил в сноски цитаты из работ Выготского на русском языке). То есть идеи и тексты Выготского сделали круг в своем движении по мировому научному сообществу, при этом они обогатились спецификой тех языков, на которые были переведены.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, – это социально-политические аспекты научного творчества Выготского, то есть проблемы, связанные с образованием, социальным неравенством, возможностями улучшения уровня жизни людей, совершенствованием школьного обучения, что всё вместе ведет к более полному, всеобъемлющему психическому развитию человека. Надо отметить, что политический и социальный пафос характерен не только для рассматриваемой статьи, но он типичен для трактовки наследия Л. Выготского многими учеными стран Латинской Америки. Латиноамериканские исследователи весьма чувствительны к той стороне выготскианского дискурса, который касается задачи конструирования «нового человека», человека с новым отношением к жизни, со своей самостоятельной позицией, с выработанными в опыте нравственными ориентирами. Такой человек обязан быть политически активным, иметь своё представление об общественной жизни, быть гражданином своей страны и Мира в целом.

В заключение отметим, что в работе Ж. Тоассы представлена интересная и во многом оригинальная трактовка узловых положений психологической системы взглядов Выготского. Автор не ограничился простым пересказом его работ и тех источников, которые использует сам Л.С. Выготский, но провела их анализ и сравнение с точками зрения многих современных выготсковедов (помимо уже упомянутой Е.В. Завершневой, автор ссылается на Н.Н. Вересова, Т.В. Ахутину, А. Ясницкого и др.) и ряда зарубежных философов; список использованной литературы достаточно

внушительный, что делает честь бразильской исследовательнице и заставляет с уважением относиться к ее научной работе.

Поступила в редакцию: 20.01.2016 г.

Сведения об авторе

М.В. Мунипов – выпускник биологического факультета МГУ, работал в области тестирования фармацевтических препаратов биофизическими и биохимическими методами, а также в сфере дефектологии, активный участник группы «Культурно-историческая психология» в facebook.

E-mail: mikhail.munipov2@gmail.com